

Протоиерей Александр Мякинин*

Положение Церкви в Горьковской епархии в 1950-х годах (до начала хрущёвских гонений)

В последние десятилетия исследователи ввели в научный оборот значительное количество документов по истории Русской Православной Церкви в XX в. из центральных государственных архивов. Однако не менее интересные материалы хранятся и в региональных архивах. Эти материалы свидетельствуют о том, как строились отношения между Церковью и государственной властью на местах и как там проводилась государственная политика по отношению к Церкви. В Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО) есть фонд уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви (с 1965 г. Совета по делам религий) при Совете Министров СССР по Горьковской области. Изучение документов этого фонда позволяет создать относительно достоверную картину положения Церкви в одной из крупнейших российских епархий и проследить, насколько точно и полно в регионах исполнялись указы и распоряжения центральной власти.

Великая Отечественная война заставила руководство СССР пересмотреть свое отношение к Церкви. Жесткие гонения сменились временем хотя и ограниченной, но все же свободы. За этот непродолжительный период до начала новых гонений во 2-й половине 1950-х гг. Церковь смогла отчасти оправиться от нанесенных в 1920–1930-х гг. ударов, а также окрепнуть как в духовном, так и в материальном плане. На примере Горьковской епархии можно проследить интенсивность роста активности религиозной жизни в стране в конце 1940-х — 1950-х гг. и обозначить складывающийся тип отношений между церковным руководством и властями на местах.

Уполномоченным Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Горьковской области в 1945–1960 гг. был А. М. Богданов¹. Судя по его докладам в Москву, а также по сохранившейся

* © Мякинин А. Е., прот., 2010

Протоиерей Александр Евгеньевич Мякинин, кандидат богословия, доцент, проректор Нижегородской Духовной семинарии.

в архивах переписки, это был человек средних интеллектуальных и административных способностей. Оголтелой ненависти к Церкви он не испытывал, скорее проявлял показную суровость там, где этого требовало начальство, и усталое равнодушие там, где особой активности от него не ожидали. Уполномоченный имел рабочий кабинет в здании облисполкома и личного секретаря. Вся документация, проходившая через его руки, обозначена грифом «секретно». Уполномоченный (в отличие от архиерея) не имел служебной машины, поэтому испытывал сложности при выездах в районы области. В ежеквартальных докладах Богданова председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову часто приводится информация о командировках уполномоченного в районы по линии обкома партии и облисполкома, во время которых он также собирал необходимые сведения и знакомился с положением приходских общин. Гораздо более полные представления уполномоченный имел о состоянии приходов в г. Горьком. Здесь ему чаще приходилось сталкиваться с проблемами простых верующих и высшего духовенства.

Горьковскую кафедру в 1948–1961 гг. занимал архиепископ, с 1955 г. митрополит Корнилий (Попов)². В одном из своих докладов Богданов не без похвалы заметил, что архиерей детально согласовывает всю свою деятельность с ним: не совершает по собственной инициативе перемещений и рукоположений духовенства, даже богослужений. В качестве иллюстрации Богданов привел выдержку из отчетного доклада архиепископа Корнилия в Патриархию: «Как и в прошлом году, так и в 1952-м, я в своей работе согласовывался с уполномоченным, не предпринимал ни одного шага в моей деятельности без договоренности с ним»³. Обращает на себя внимание и письмо архиерея уполномоченному с уведомлением о проведенном богослужении: «Почтительно сообщаю Вам следующее. 2 апреля 1953 года — Великий четверг Страстной седмицы, чтение двенадцати Евангелий я совершал в Карповском храме, храм был переполнен молящимися. Хор прекрасно исполнил песнопение: Разбойника благоразумного. Богослужение продолжалось с 6 до 9.30 часов вечера». Уполномоченный также поддерживал отношения с секретарем епархии и настоятелями городских храмов и получал от них важную для себя информацию. В основном речь шла о предоставлении чиновнику протоколов заседаний епархиального совета, о вопросах, связанных с хозяйственной деятельностью, реставрацией храмов, покупкой автомашин для прихода и проч.

В обязанности уполномоченного входило составление ежеквартальных информационных докладов для Совета по делам Русской Православной Церкви. В докладах должны были содержаться следующие сведения: количество действующих церквей, состав духовенства и его деятельность, взаимоотношения уполномоченного с епископом, ходатайства об открытии новых храмов, состояние религиозности населения, проповедническая деятельность духовенства в церквях, материальное положение приходов, незарегистрированные моленные дома и их деятельность, прием уполномоченным посетителей и т. д. После пасхальных и рождественских праздников в Совет необходимо было выслать спецсообщение о проведенных богослужениях и числе

молящихся. Также уполномоченный должен был своевременно ставить в известность председателя Совета обо всех особых случаях или происшествиях в епархии. Копии докладов о религиозной обстановке в области в обязательном порядке направлялись председателю облисполкома и секретарю обкома партии. Инспектор Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР А. М. Пашкин, посетивший Горький в 1947 г. для проверки работы уполномоченного, написал в докладной записке следующее: «Вопросами Церкви в облисполкоме занимается т. Жильцов, в обкоме ВКП(б) — секретарь по пропаганде и агитации т. Морозов. Все принципиальные вопросы т. Богданов разрешает в обкоме ВКП(б). В частности с 1-м секретарем т. Киреевым был разрешен вопрос о необходимости удовлетворения ходатайства верующих об открытии церкви в г. Горьком, но не нашел должного разрешения в горсовете, о чем уполномоченный информировал Совет своим письмом от 6.08.47 за № 152»⁴. Из других составленных уполномоченным документов видно, что он не только не был против открытия в городе 4-го храма, но и выходил с такой инициативой в горсовет, утверждая: «Возможность удовлетворения ходатайств верующих г. Горького имеется»⁵. Однако храм так и не был открыт. Таким образом, уполномоченный зависел не только от своего руководства в Москве, но и от местных советских и партийных инстанций. Ухудшить и без того тяжелое положение Церкви было, несомненно, в его власти, но он смог бы сделать в этом отношении немного. Кардинальных решений уполномоченный лично принимать не имел права.

В 1950 г. в Горьковской епархии насчитывалось 47 зарегистрированных храмов (в том числе 3 в Горьком), в них служили 70 священников, 19 диаконов, 34 псаломщика. Большинство приходов функционировали с 1943–1948 гг. Необходимость открытия новых приходов была насущной, но инициатива верующих в данном вопросе сдерживалась властями, в силу чего в области действовали нелегальные общины; уполномоченный в информационном докладе за 2-й квартал 1950 г. сообщил о 60 незарегистрированных молитвенных домах. Богослужения в них совершали заштатные или не имевшие регистрации священники, иногда миряне: «В поселке Ворсма Павловского района проводится нелегальная служба в домах. Эту службу ведет нелегал Братанов Николай Евлампиевич. В своей собственной квартире для этой цели он сделал пристрой к дому и оборудовал помещение для службы. Вместительность молитвенного дома 20–25 человек. В пасхальную службу молящихся было около 200–250 человек, которые стояли на улице. Нелегальную службу Братанов ведет с 1945 года... Кроме того, он отправляет требы по прилегающим селам и деревням»⁶.

Подобная картина наблюдалась практически во всех районах области. Уполномоченный подробно докладывал в Москву о многочисленных известных ему незарегистрированных православных общинах и указывал, что полных данных представить не может, поскольку в дальних деревнях и селах время от времени собираются небольшие группы верующих для совместных молений, и проконтролировать их действия сложно. В дни церковных праздников собрания верующих были особенно многочисленными, даже если в населенном

пункте отсутствовал храм или молельный дом. В подтверждение своих слов уполномоченный привел примеры: «В с. Глебово с 1947 г. службу ведет священник-нелегал Баженов Михаил Иванович. 18 апреля с. г., будучи лично в этом селе, я обнаружил, что в доме г[раждан]ки Монаховой Арины Васильевны идет служба, за которой оказалось молящихся 30 человек... Комната примитивно оборудована под церковь: сделан престол, имеется полное облачение, книги и другие вещи... Баженов торгует свечами и просфорами, которые он возит с собой. Во время служб Баженов ходит с тарелочным сбором. Пасхальная служба проводилась в этом же доме, молящихся на “Пасху” [здесь и далее в цитатах сохраняется орфография документа.— А. М.] было около 250 человек. Кроме этого, Баженов совершает службу и требы в других селах этого района... В 1939 году патриаршим местоблюстителем митрополитом Московским Сергием Баженов был назначен священником в село Глебово Вачского района⁷. Имея такую справку на руках, Баженов ходит по Вачскому району, совершая молитвенные собрания. Подходным налогом не облагается... Мною лично Баженову предложено прекратить незаконные молитвенные собрания в незарегистрированных домах»⁸. «В селе Мухтолово, Мухтоловского района на улице Космодемьянской, д. 29 проживает бывший священник Нестеров. Он совершает все требы. 18 января им было произведено освящение воды»⁹.

Следующий случай, описываемый уполномоченным, ярко иллюстрирует укорененность православных традиций в русском народе. Хотя молодежь 1950-х гг. воспитывалась при советской власти и не имела глубоких знаний православия, внешняя сторона жизни, связанная с религиозными обрядами, семейным укладом, особенно в провинции, оставалась традиционной. «В праздник “Пасхи” велась служба в районном центре в селе Салганы, на месте разрушенной церкви. Службу вели сами верующие. На моление собралось большинство населения села, где была и молодежь. В домах колхозников в день “Пасхи” висели лозунги “Христос воскрес”. На квартире председателя колхоза “Красная Армия” Смыженкова Егора Андреевича (член ВКП(б)) такой лозунг висел до 3 мая... Пасхальная служба велась также в селе Большие Можарки, где службу вели сами верующие. В знак встречи “Христа” верующими был сделан выстрел из охотничьего ружья»¹⁰.

Богданов написал письмо секретарю Горьковского обкома партии с жалобой на то, что райисполком никаких мер к прекращению нелегальных служб не принимает. Финансовые органы не выполняют постановления Совета Министров от 3 декабря 1946 г. «об обложении лиц, не являющихся служителями культов, подходным налогом от совершения религиозных обрядов». Из донесения уполномоченного о нелегальных, следовательно, не поддающихся контролю молитвенных собраний в области следует, что власть в то время оказалась в нелегком положении. В нелегальных молитвенных домах могли произноситься свободные от светской цензуры проповеди, совершаться поминовения убиенного в период гонений духовенства, организовываться работа с молодежью и т. д. Закрывать незарегистрированные приходы можно было только с применением силы. Единственным мирным способом установления

контроля над нелегальными молитвенными домами была их регистрация, однако власти шли на это с большим трудом. В официальной регистрации общин была заинтересована также и Церковь. В нелегальных молитвенных домах могли служить и совершать требы самозванцы, священники, запрещенные в служении, разного рода раскольники, аферисты-мздоимцы и т. д. Архиерей был обязан стремиться к каноническому и административному контролю над приходскими общинами, а это было возможно только после получения последними официальной регистрации.

В 1951 г. имел место показательный случай. Уполномоченный потребовал от правящего архиерея выяснить, кто совершает нелегальные требы в г. Выкса и округе и прекратить несанкционированные действия духовенства. Архиепископ Корнилий направил в Выксу настоятеля молитвенного дома в городе Кулебаки протоиерея Архангельского. О результатах его поездки Богданов доложил председателю Совета: «Было установлено, что по городу действительно бродит нелегал под именем “Владимир”, носит митру и правит требы. На Футбольной улице, в доме № 35, также проживает некто Долголиков Иван Павлович, который правит все требы на дому: крестит, отпевает, венчает, причащает и т. д. Жители г. Выксы и прилегающих сел приходят к нему для исправления треб. Сам Долголиков слепой, но с помощью своей жены правит все требы. Долголиков заштатный священник, получающий пенсию... Архиепископ предложил объявить Долголикову, что за совершение треб он лишится пенсии и сана»¹¹. Протоиерей Архангельский по приезде в Выксу предполагал организовать массовое совершение треб и тем самым отвлечь население от нелегальных священников, но к нему никто не пришел. Тогда он составил письменное обращение к жителям города, в котором убеждал не обращаться за требами к сомнительным личностям, а приходиться к нему, законно служащему священнику. Однако Выксунский горисполком запретил распространять это заявление, что затем подтвердил и уполномоченный, так как священники имели право совершать требы на дому только по индивидуальным просьбам верующих, а «массовых молений» устраивать не могли.

Сообщая о несанкционированных молитвенных собраниях, уполномоченный особое внимание уделял святым местам, куда собирались верующие. Самыми посещаемыми были озеро Светлояр в Ветлужском районе и деревня Оранки в Богородском районе. «В деревне Оранки Богородского района, вблизи бывшего Оранского монастыря, у родника, в день Владимирской Божией Матери 8-го сентября 1951 г. нелегалом Братановым была организована служба, куда стекалось молящихся около 3 тысяч человек [в 1950 г. здесь было 4 тыс. молящихся.— А. М.]. На это моление принесли шестьдесят пять икон большого размера, восемь крестов, пять хоругвей. Была принесена из села Богоявление Дальнеконстантиновского района и “оранская божия мать”, хранящаяся у верующих в селе Богоявление, на специально сделанных носилках. Моление состояло из всенощной накануне праздника и литургии с елеопомазанием народа. Служил собственно Братанов в полном облачении, помогал Смирнов Алексей, бывший священник. В некоторых селах,

например в Шонихе, Братанов служил массовые молебны¹². Далее Богданов указал на возможные, по его мнению, средства борьбы с этим «незаконным сборищем»: выяснить в селе Богоявление, у кого находится Оранская икона, и если она из церкви, то отобрать ключи от храма¹³; выяснить, кто является организатором молений в Шонихе и Оранках; поставить перед председателем облисполкома вопрос о включении родника в состав территории находящейся неподалеку детской колонии¹⁴; выяснить, обложены ли налогом Братанов и Смирнов и в каком размере. Неизвестно, было ли исполнено что-либо из намеченного Богдановым, но в ближайшие годы, судя по сообщениям уполномоченного, ситуация оставалась прежней: тысячи молящихся на праздник Владимирской иконы Божией Матери крестными ходами из разных сел шли в Оранки, где под открытым небом совершались всенощное бдение и божественная литургия. «До открытия церквей,— сетует уполномоченный,— таких фактов, которые отмечены выше, не наблюдалось. Верующим это проходит безнаказанно».

В спецсообщении от 21 мая 1954 г. Богданов вновь подробно описал крестные ходы, рассказал о священнике Братанове и даже записал стихи, которые «хорошим басом» распевал бывший монах Оранского монастыря Лушин и тем самым «играл на чувствах верующих»: «Прощай же, обитель святая, / Прощай, наша мать, навсегда. / Тебя нам, обитель святая, / Не видеть уже никогда. / Погасли лампы и свечи / Навеки во храмах твоих, / Умолкли священные речи, / И звон колокольный затих. / Все церкви твои опустели, / Не видно народа уж в них. / Веселия душ улетели, / И грусть воцарилась в них. / Скажи же, обитель святая, / Где братья и сестры твои, / И те, кто тебя создавали, / И тратили силы свои. / Зачем же пуста, одинока, / Зачем же зовешь нас к себе? / А мы на чужбине далекой / Льем слезы в тоске по тебе. / Господь испытанье послал нам, / И отнял обитель у нас, / И мы все томимся в изгнании. / О Господи! Вспомни о нас! / Уж нету надежды возврата, / Святая обитель, к тебе. / Горька же нам эта утрата, / Но кто не покорен судьбе!»¹⁵.

В докладе за 2-й квартал 1950 г. Богданов сообщил о почитаемом верующими святом роднике в честь Тихвинской иконы Божией Матери в селе Епифанове Вачского района: «9 июля на роднике ежегодно проводятся молебствия самими верующими без участия священнослужителей. Родник этот расположен вблизи хозяйственных построек колхоза, откуда бралась вода для скотины... В 1949 году группой верующих в течение одной ночи на роднике была поставлена часовня, принесены иконы, и часовня была заперта на замок... О роднике ходят разные предания: одно говорит, что на роднике появилась икона “Тихвинской Божией Матери”, другое гласит, что родник однажды замерз в “Петров день” — 12 июля, якобы в источнике есть что-то целебное, “действует какая-то сверхъестественная сила”. Во время службы в день “Тихвинской Божией Матери” из родника берут воду и ей обливаются. От действующей церкви родник находится в 12 километрах. Будучи в районе, мною устно дано указание председателю райисполкома т. Абрамову о том, чтобы часовню разобрали как построенную незаконно и предотвратили молебствие 9 июля сего года»¹⁶. Богданов сообщил также, что в Салганском райо-

не стихийно возникали молебствия о дожде в связи с засушливой погодой, а в деревне Орловка на кладбище верующие молились о дожде каждую ночь.

Следует заметить, что уполномоченный нашел способ хотя бы отчасти на время сократить число незарегистрированных молитвенных домов и тем самым выслужиться перед начальством. Некоторые священнослужители, совершавшие нелегальные богослужения по домам, по настоянию Богданова получили от архиерея назначения на приходы. После ухода священников часть незарегистрированных общин распались. При этом сложно сказать, сократилось ли в действительности число незаконных молитвенных домов. Данные уполномоченного, во-первых, неполны, во-вторых, противоречивы. В 1950 г. он сообщал о 60 нелегальных собраниях, в 1951 г. писал, что им «учтено 45 молитвенных домов, в которых регулярно каждое воскресенье и годовые праздники собирались верующие для моления», из них к декабрю 1951 г. 29 домов «прекратили свое существование»¹⁷. Тем не менее в 1956 г. Богданов рапортовал председателю Совета, что «незарегистрированных молитвенных домов по районам 242, и это еще неполные данные»¹⁸.

С 1940-х до конца 1980-х гг. уполномоченному, а также другим советским и партийным чиновникам поступали ходатайства об открытии храмов. Активность подачи таких заявлений в разные годы была неодинаковой, что обуславливалось различными факторами. Как только верующие получали информацию, что где-то (необязательно в Горьковской области) власти дали разрешение на открытие прихода, на уполномоченного обрушивался поток писем и посетителей с просьбами, мольбами, а иногда с угрожающими требованиями об открытии храмов. От некоторых сел снаряжались делегации, «всем миром» собирали деньги на дорогу до Горького или до Москвы, где они должны были добиться разрешения на открытие храма или хотя бы молитвенного дома. В информационном докладе за 3-й квартал 1950 г. уполномоченный сообщил, что за прошедшие 3 месяца текущего года из 20 населенных пунктов поступило 25 ходатайств об открытии церквей, все они повторные. «6-го июля сего года верующими города Павлова подано ходатайство об открытии церкви, которое подписали 2660 человек. Об открытии ходатайствуют с 1944 года... В связи с непрекращающимися службами в неоткрытых молитвенных домах незарегистрированным духовенством группы верующих настойчиво ходатайствуют об открытии церкви»¹⁹. Всего за 1950 г. поступило 72 ходатайства об открытии храмов из 55 населенных пунктов, из них только 2 повторных.

Во время приема посетителей Богданов иногда был вынужден выслушивать нелестные высказывания в свой адрес: «Гражданин Андреев Иван Михайлович 1912 года рождения, проживающий в г. Горьком, инвалид, нигде не работает, носит длинные волосы, явился к уполномоченному с ходатайством об открытии церкви в селе Николаевка Первомайского района. В беседе с уполномоченным наносил ему оскорбления, обзывая “кровососом проклятым”, одновременно говоря, что ваше учение население ведет в пучину, вас и ваши кабинеты прокликает весь мир. Вы только кричите за мир, а сами делаете другое дело»²⁰. В 1951 г. уполномоченного посетил С. И. Сутырин,

проживающий в Горьком, который единолично ходатайствовал об открытии церкви в поселке Кадницы Работкинского района. Однако в этом же донесении Богданов сообщил, что верующие снабдили Сутырина деньгами, чтобы он съездил в Москву и попросил об открытии храма. Вскоре у Богданова побывала А. И. Власова, ходатайствовавшая об открытии того же храма. Посетительница оскорбительно отозвалась об уполномоченном. В ответ на рапорт Богданова об этом происшествии Карпов рекомендовал ему «проконсультироваться в прокуратуре, нельзя ли Власову привлечь к ответственности»²¹. На этом документе Богданов написал: «Консультировался с прокуратурой, т. Гинзбургом, которая [так! — А. М.] не советует заводить это дело о привлечении Власовой к ответственности»²².

Приведу сведения о количестве ходатайств об открытии храмов в Горьковской епархии в разные годы: 1944 г.— 500 ходатайств, 1945 г.— 216, 1946 г.— 163, 1947 г.— 192, 1948 г.— 186, 1949 г.— 120, 1950 г.— 72, 1951 г.— 69, 1952 г.— 84, 1953 г.— 116, 1954 г.— 48, 1955 г.— 55, 1956 г.— 158 ходатайств. Как видим, количество поданных прошений в 1945–1952 гг. постепенно уменьшалось, основное количество храмов открылось в последние военные и первые послевоенные годы: в 1945 г.— 13 храмов, в 1946 г.— 6, в 1947 г.— 3, в 1948 г.— 2 храма. В 1950–1956 гг. число приходов не изменилось. Протоиерей Владислав Цыпин отметил, что в 1-й половине 1950-х гг. в стране наблюдалось хотя и не массовое, но все же заметное закрытие церквей (в среднем 130 храмов в год, а в 1952 г.— 231)²³. Возможно, обратная ситуация в Горьковской епархии объясняется сплоченностью общин и острой потребностью в храмах. Следует отметить, что многие церкви после революции официально не закрывались, но богослужения в них прекратились из-за отсутствия священников. Некоторые такие храмы в 1943–1944 гг. были признаны действующими и получили регистрацию. Уполномоченный, сообщая об открытых храмах решением Совета по делам Русской Православной Церкви, такие приходы в Горьковской области не упоминает.

В докладах в Совет по делам Русской Православной Церкви уполномоченный давал оценку ходатайств об открытии церквей. В докладе за 1947 г.: «Продолжаются ходатайства верующих об открытии 88 церквей, из них 24 являются особо настойчивые и в первую очередь заслуживающие внимания. И целесообразно удовлетворить эти ходатайства об открытии церквей в следующих пунктах. В городе Горьком имеется значительная группа верующих, которая ходатайствует об открытии церкви с 1944 года. Действующие церкви расположены на окраинах города в рабочих поселках Высоково, Печеры, Карповка, которые являются по своей вместительности незначительными: от 140 кв. м до 280 кв. м. В обычные будничные дни указанные церковные здания заполнены нормально, но в церковные праздники в них наблюдается большая теснота, и от скученности бывают обмороки верующих. При посещении церкви в рабочем поселке Высоково во время службы в ней утром 19.08.1947 г. установлено, что попасть в здание церкви из-за большого скопления верующих не все могли, не попавшие в церковь стояли в ограде, несмотря на плохую погоду. Возможность удовлетворения ходатайств верую-

щих города Горького имеется»²⁴. В докладе за 1951 г.: «Если идти на удовлетворения ходатайств верующих города Павлова об открытии храма, то этим мы можем активизировать верующих на подачу ходатайств об открытии церквей в других городах. Считаю, что молитвенного дома также не следует регистрировать, это может вызвать рост нелегальных молитвенных домов. Такое же мнение имеет и руководитель облисполкома»²⁵. В докладе за 1953 г.: «Ходатайство об открытии храмов увеличивается. Причина — желание местных органов власти переоборудовать здания церкви или сломать их совсем»²⁶. «Среди ходатаев об открытии церквей есть и члены партии»²⁷.

Увеличение количества ходатайств в 1953 г. связано со смертью И. В. Сталина и появившейся надеждой, что отношение к Церкви нового руководства будет более доброжелательным. Богданов намекал на это очень осторожно: «В связи с выходом в свет ряда постановлений партии и правительства, направленных на улучшение материального благосостояния народа, резко увеличилась подача ходатайств об открытии церквей (1952 г.— 84 ходатайства, 1953 г.— 116 ходатайств)»²⁸. Уполномоченный привел слова посещавших его верующих: «Вот, смотрите, как правительство заботится о нас. Какое облегчение сделали нам, колхозникам, да и всем трудящимся. За это спасибо нашей партии и правительству. Дай Бог долгой жизни товарищу Маленкову. Мы думаем, что товарищ Маленков разрешит открыть церкви, если этого пожелают верующие. Думаем обратиться с ходатайством к нему»²⁹. В докладе за 1956 г. отмечены новые факторы, влияющие на увеличение числа прошений: «На рост подачи ходатайств в какой-то степени влияет посещение Советского Союза заграничными церковными делегациями и выезд наших церковных делегаций за границу, также выступление руководителей партии и правительства за границей по вопросу свободы совести в СССР. Все это верующие учитывают и считают, что у нас изменилось отношение к вопросу об открытии церквей. Свои предложения они высказывают уполномоченному при посещении»³⁰. «Необходимо отметить, что в ряде районов потребность в открытии церквей действительно есть, так как действующая церковь от этих районов находится на расстоянии 200 км... Большинство зданий, о которых просят верующие, находятся в хорошем состоянии, имеют полностью культовый инвентарь, а здания церквей в селах Н.-Погост и Пурех являются памятниками архитектуры, государством расходуются средства на их ремонт. Я имел беседу по этому вопросу с секретарем обкома КПСС товарищем Несибковым и заместителем председателя облисполкома товарищем Перминовой, обрисовал им религиозную обстановку в области и просил дать свои соображения, какой держаться линии в части рассмотрения заявлений. Получил указания: пока открывать не следует... Как бы мы ни сдерживали открытия церквей, религиозные люди безнаказанно организуют службы по домам»³¹. Возможно, позиция самого Богданова в вопросе об открытии храмов не была жесткой, в результате чего при смене руководства Совета по делам Русской Православной Церкви в 1960 г. он был смещен с должности. Тогда руководству страны понадобились люди, готовые на репрессии по отношению к Церкви. Богданов, по всей видимости, для такой работы не подходил.

За весь рассматриваемый период в докладах уполномоченного встретилось упоминание лишь об одной просьбе верующих, связанной с возобновлением монастыря: «В 1947 году группой монашек, проживающих в Дивеевском районе, было подано ходатайство об открытии бывшего Дивеевского монастыря. До 1951 года никаких заявлений не поступало, а в ноябре 1951 года вновь поступило заявление, которое подписали 5 человек. Инициатором явилась инокиня Кудрявцева Анастасия Евсеевна, проживающая по адресу: г. Москва–30, Волоколамское шоссе, д. 53. Из заявления можно сделать вывод, что Кудрявцева получает сведения о состоянии монастырских зданий от бывших монахинь, проживающих в Дивеевском районе»³². Это сообщение Богданов не комментирует, так как совершенно очевидно, что вопрос об открытии Дивеевской обители не может быть принят к рассмотрению. В расположенном неподалеку Сарове с 1946 г. шло активное строительство комплекса по разработке и производству ядерного оружия. Эта зона приобрела статус особой секретности, поэтому появление здесь действующего монастыря, который стал бы привлекать множество паломников, было исключено.

Таким образом, количество храмов в Горьковской епархии, несмотря на многолетние ходатайства об их увеличении, с 1948 г. осталось прежним. Положение принципиально не изменилось даже после того, как 17 февраля 1955 г. Совет Министров СССР принял постановление «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий», которым разрешалось регистрировать фактически действующие общины. 11 марта 1955 г. Карпов направил Богданову инструктивное письмо № 53, в котором разъяснял принятое постановление: «Совету по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР предоставлено право регистрировать фактически действующие, но не зарегистрированные религиозные общества, имеющие молитвенные здания... Следует признать неправильной практику, когда в должной мере оформленные материалы по ходатайствам групп верующих об открытии молитвенных зданий в ряде случаев единолично отклонялись уполномоченными Совета и не представлялись ими на рассмотрение обл(край)-исполкомов и Советов Министров автономных и не имеющих областного деления союзных республик... Признается неправильной также и такая практика, когда отклонялись все без исключения ходатайства вне зависимости от их мотивов, условий на месте и т. д.»³³. Постановление содержало также ряд ограничений: «Постановление не дает права на регистрацию религиозных обществ, которые могут возникнуть или быть организованы вновь после 17.02.1955 года без разрешения в установленном порядке. Также Совет не разрешает регистрировать такие религиозные общества, которые хотя фактически и организованы, но не имеют молитвенного здания (церкви или молитвенного дома)... Имеется в виду зарегистрировать те религиозные общества, которые имеют молитвенные здания и фактически действуют в течение ряда лет, как, например, в Горьковской, Калининской и ряде других областей РСФСР, в Казахской ССР и других местах... регистрацию таких религиозных обществ надо начать теперь же и закончить в течение 1955 года»³⁴. К сожалению, постановление «Об изменениях порядка открытия молитвенных

зданий» от 17 февраля 1955 г. фактически осталось не выполнено. И хотя в нем определенно говорилось о Горьковской области как территории, где должны быть зарегистрированы новые приходы, в действительности через год и 4 месяца была открыта только одна церковь — в городе Ворсма Павловского района (здесь длительное время действовал нелегальный и достаточно многочисленный молитвенный дом). Открытие храма стало огромной радостью для православных жителей Ворсмы и событием для всей епархии, но проблеме недостатка действующих храмов в области это, конечно же, не решило.

Власть рассматривала священнослужителей как идеологических противников, за которыми должен осуществляться жесткий контроль. В информационных докладах Богданова этому пункту уделялось особое внимание. Характер работы уполномоченного с духовенством к середине 1950-х гг. в сравнении с началом десятилетия изменился, из центра поступало все больше указаний, детально определявших работу уполномоченного со священнослужителями епархии.

В начале 1950-х гг. в 47 зарегистрированных храмах Горьковской епархии служили 70 священников, 19 диаконов и 34 псаломщика, в основном пожилого возраста (54 человека были старше 55 лет). В докладе Богданова за 1950 г. содержится существенное замечание: «Из 69 священников 32 были судимы по разным статьям»³⁵. Таким образом, почти половина епархиального духовенства возвратилась к служению из мест лишения свободы. Их регистрация не всегда проходила беспрепятственно. С ноября 1948 г. действовало распоряжение Совета по делам Русской Православной Церкви о невозможности регистрации лиц, подвергавшихся судимости, до особых указаний Совета. Распоряжение было отменено в феврале 1949 г. со следующими оговорками: «Ограничение в регистрации (отказ) духовенства, подвергшегося репрессиям (судимости по известным статьям) и потому имеющего паспортные ограничения, распространяется только на режимные города и местности СССР (I и II категории), поскольку там им запрещается проживание и прописка»³⁶. Уполномоченному давалось указание: «Вновь посвящать (рукополагать) в служители культа (священники и диаконы) лиц, имевших судимость, не следует, если они были осуждены на сроки к лишению свободы и ссылке, а потому Вам надо поставить архиерея (управляющего епархией) в известность, что лица, ранее судившиеся, Вами не будут регистрироваться, а значит не следует их посвящать в духовный сан»³⁷.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. в Горьковской области было достаточно много священников, которые не могли получить приход и находились за штатом. Большинство из них жили за счет совершения по домам нелегальных треб и богослужений. На вопрос Богданова руководству Совета о мерах, которые он должен принимать по отношению к нелегально служащему духовенству, был получен ответ: сообщить областному финансовому отделу, который обязан обложить таких служителей культа подходящим налогом. Вскоре от Богданова в Москву последовало сообщение: «Облфо обложило налогами незарегистрированных священников за то, что они занимаются требоисполнением. Священники расценили это как узаконение их деятельности

и расширили ее, установив между собой “границы” территорий»³⁸. В последующие годы уполномоченный требовал от архиерея прикрепления как можно большего числа «нелегалов» к действующим приходам, чтобы их деятельность могла находиться под должным контролем.

Одним из наиболее непримиримых с советскими порядками священников-нелегалов был Николай Братанов. Его фамилия фигурирует практически в каждом докладе уполномоченного. С 1945 г. о. Николай служил в домах верующих в Павловском районе, создал в Ворсме нелегальный молитвенный дом, возглавлял крестные ходы на праздник Владимирской иконы Божией Матери в село Оранки, совершал нелегальные требы по району и в Горьком. В епархиальном управлении он значился заштатным клириком, и поэтому уполномоченный не мог воздействовать на него через архиерея. Богданов докладывал: «Несмотря на ряд предупреждений со стороны местных советских органов, Братанов продолжает служить. На вызов к уполномоченному не явился. В настоящее время Братанов областной прокуратурой привлекается к ответственности»³⁹, «служба временно прекращена»⁴⁰. Из последнего замечания ясно: уполномоченный не верил в то, что Братанов может прекратить служение. Был ли наказан о. Николай, неизвестно, однако его имя упоминалось в донесениях Богданова и его преемника в Совет по делам Русской Церкви на протяжении еще нескольких лет. В годы хрущёвских гонений о. Николай был осужден за несанкционированную пристройку сторожки к крестильному помещению и наказан штрафом, впоследствии он окончательно лишился регистрации, но не перестал совершать требы и богослужения.

В документах уполномоченного встречаются положительные характеристики священнослужителей, есть сведения о противодействии духовенства давлению властей: «По отчетным данным епископа, доходность церкви (села Б.-Печерки Смирновского района) с 1950 г. значительно возросла за счет увеличения посещаемости, где большим уважением пользуется священник Зюзин, который чрезвычайно скромен в получении мзды за требы»⁴¹. «Зюзин службу затягивает до 2–3 часов дня, этим самым отвлекает население от работы в колхозе. Им было устроено поминовение погибших воинов, которое продолжалось до 3 часов дня. На заданный вопрос Зюзину о том, знает ли он, что во время полевых работ службу нужно проводить в свободное от работы время, ответил, что знает. Но староста церкви Кочетов заметил, что на нее [церковь.— А. М.] наложили налог, поэтому мы так долго и служим»⁴².

В материалах уполномоченного можно обнаружить сведения о пьянстве, воровстве и грубости священников. В 1953 г. Богданов писал: «Из 47 церквей за время их работы не было сменяемости священников в 7 церквях... Причины сменяемости: смерть, пьянка духовенства, уход в заштат по старости, перемещение на более доходные приходы тех, кто показал себя с положительной стороны»⁴³. Если верить Богданову, то в вопросе о перемещениях духовенства в этот период правящий архиерей действовал самостоятельно, хотя, разумеется, ставил в известность уполномоченного и испрашивал на это его согласие. «Ограничительных мер к духовенству, как, например, снятие с ре-

гистрации, я не принимал,— пишет Богданов,— так как в этом не было нужды»⁴⁴. «Основную роль в перемещении священников играет архиепископ. Со стороны местных советских органов вмешательств в перемещение священников не было»⁴⁵. Частые перемещения священников вызывала их недовольство. Священник Иоанн Дугинов жаловался уполномоченному: «Не успеешь привыкнуть к одному месту, как архиепископ переводит на другое. Частое перемещение отражается и на семье. Устроишь ребенка учиться и сам устроишься, не проходит 4–5 месяцев, тебя снова переводят на другое место. Такие гонки создают нездоровое настроение в семье». О том же свидетельствовал и священник Владимир Октаев: «Становится невыносимым перемещение: в течение 1952 г. перемещался четыре раза». Некоторые священники по этой причине выходили за штат⁴⁶.

В докладе за 1956 г. Богданов дал более подробную характеристику духовенству епархии, нежели в предыдущие годы (это было вызвано изменениями в деятельности Совета по делам Русской Православной Церкви и повышением интереса партийного руководства к этой информации): «По образовательному уровню духовенство очень разнообразно. 58% имеют начальное, незаконченное начальное и домашнее образование. Священники все малокультурны, часть из них не интересуется жизнью страны и международным положением. Всего духовенства 60 человек⁴⁷. С высшим образованием — 2 чел[овека], с высшим духовным — 3 чел[овека], со средним и незаконченным светским — 5 чел[овек], окончивших семинарию — 3 чел[овека], окончивших духовное училище и не окончивших семинарию — 12 чел[овек], с начальным и домашним образованием — 35 чел[овек]»⁴⁸. Правящий архиерей, не имея образованных, подготовленных кандидатов, рукополагал псаломщиков и благочестивых мирян, которые хотя и готовы были ревностно послужить Церкви Христовой, но не обладали необходимыми знаниями в области вероучения, часто были малограмотны. При недостаточном числе выпускников духовных школ в течение всего советского периода епископы были вынуждены решать проблему кадров в основном путем подобных рукоположений. В таких условиях сформировался новый тип священника советского времени. Лучшие из них отличались простотой, были близки к народу, ревностно относились в службе, заботились о приходе и хозяйстве храма. При этом они были осторожны, а порой и малодушны в отношениях с властями, малограмотны, не желали заниматься какой-либо замаскированной просветительской деятельностью. Священнослужителей, окончивших духовные школы, было сравнительно немного. Из их среды, как правило, назначались секретари епархии, благочинные и настоятели городских приходов. Вот как оценивает сложившуюся ситуацию сам уполномоченный: «Чтобы не оказаться со временем без кадров, епархиальным советом принимаются меры к подготовке их путем перевода из псаломщиков. Все эти лица не имеют специального богословского образования, да и светских учебных заведений некоторые из них не закончили — имеют неполное среднее образование. Хотя есть и лица, которые имеют и высшее светское образование, но таких немного»⁴⁹.

Совет вменил в обязанность уполномоченному особо следить за проповеднической деятельностью духовенства. До 1956 г. оставалось в силе инструктивное письмо Совета по делам Русской Православной Церкви № 32 от 23 сентября 1948 г., в котором среди прочего уполномоченным предписывалось осуществлять контроль за соблюдением указания Синода от 25 августа 1948 г. (сделанного, несомненно, под нажимом властей): «Архиереям и духовенству не придавать проповедям и беседам в храме характер систематических уроков специально для детей»⁵⁰. (Синод обращал внимание епископов, что «это является нарушением действующего в СССР закона об отделении школы от церкви»⁵¹.) В письме Совета по делам Русской Православной Церкви от 23 сентября 1948 г. предписывалось: «В случаях нарушений местным духовенством указаний патриарха и Синода следует ставить в известность правящего епископа для принятия им необходимых мер в отношении нарушителей». Совет разъяснял духовенству, «что их проповеди по объяснению Евангелия должны быть чужды всякого вмешательства в политику и носить чисто церковный характер»⁵². Уполномоченным было поставлено на вид, что они уделяют проповедям мало внимания, Совет рекомендовал приступить к сбору сведений о проповедях, произносимых как священниками, так и архиереями: «Совет интересуют следующие вопросы: как часто произносятся проповеди духовенством, примерный характер (содержание) их, влияние их на верующих, отношение епископа к проповедничеству, как часто он сам выступает с проповедями и примерное содержание его проповедей... Сведения о проповедничестве следует собирать в осторожной форме, дабы не вызвать у духовенства и верующих подозрения к проявляемому Вами интересу к этому вопросу и чтобы епископат и духовенство не сделали бы выводов, что проповедничество запрещается или что Вы заинтересованы в усилении проповедничества. Категорически запрещается давать поручения местным советским органам о представлении тех или иных сведений о проповедничестве»⁵³. В ответ на эти требования в отчетах Богданова появились довольно скудные сведения, напоминающие отписки: «В праздник 35-летия Великой Октябрьской Социалистической революции архиепископ Корнилий совершал службу в Высоковской церкви, храм был переполнен молящимися. Настоятель церкви Бандулевич за литургией читал проповедь, в которой остановился на достижениях Советского государства за 35 лет и т. д.»⁵⁴. Иногда, докладывая о проповеднической деятельности священников, Богданов делал обобщения: «Проповеди на верующих никакого влияния не оказывают»⁵⁵.

До 1956 г. указания Совета уполномоченному имели характер рекомендаций: «Совет рекомендует Вам больше бывать на местах и подробней знакомиться с положением и деятельностью церкви и духовенства и теми изменениями, которые происходят в жизни церкви. В связи с этим Вам необходимо поддерживать нормальные взаимоотношения с правящим епископом и духовенством и особенно с более лояльно настроенной частью духовенства, имея в виду, что от того, как Вы будете работать с духовенством и интересоваться его деятельностью, будет зависеть Ваша осведомленность о церковной обстановке в области»⁵⁶. В 1956 г. появились первые признаки намечаю-

щихся изменений в политике государства по отношению к Церкви. В инструктивном письме № 2 от 31 января 1956 г. Карпов обратился ко всем уполномоченным с указанием «о более глубоком изучении духовенства». При этом он заметил: «Молодое духовенство значительно активизируется, принимая целый ряд мер к укреплению церкви (благолепие в храмах, их ремонт, усиление проповеднической деятельности и др.), которые создают определенный авторитет молодому духовенству среди верующих... Некоторые епископы (Иларион⁵⁷ — Башкирская АССР, Ермоген⁵⁸ — Узбекская ССР, Анатолий Ставропольский⁵⁹, Вениамин Саратовский⁶⁰ и другие) проявляют особую заботу о духовенстве, вернувшимся из мест заключения и из эмиграции, создают ему лучшие условия в его деятельности и материальное благополучие, назначая их на более доходные приходы... Советом также указывается, что не следует уполномоченным передавать жалобы по внутрицерковным вопросам правящему епископу, т[ак] к[ак] это будет содействовать умиротворению внутри церкви [подчеркнуто автором. — А. М.], но жалобщикам нужно сообщить, что по их жалобам им надлежит обращаться в церковные органы. Уполномоченный, не вмешиваясь в церковные дела, должен наблюдать за тем, какое влияние оказывают на положение церковных приходов различные склоны и конфликты между духовенством и группами верующих»⁶¹. В докладах уполномоченного появилась информация о начинающейся кампании по ограничению поступления в духовные учебные заведения. Работа с абитуриентами активизировалась в 1960-х гг. и продолжалась до начала 1990-х гг. «Уполномоченным Совета, — сообщал Карпов, — следует своевременно выявлять через правящих епископов лиц, подающих заявления о приеме в духовные учебные заведения и в отношении отдельных лиц до их приема информировать соответствующие органы и Совет»⁶².

Богданов доложил начальству о своей работе с духовенством с учетом внесенных корректив и поделился проблемами: «Изучение деятельности духовенства — кропотливая работа, требующая известной осторожности и частого общения с ним. К каждому должен быть индивидуальный подход, необходимо интересоваться не только жизнью церкви, но и бытовой стороной служителей культа. Только при таких условиях можно расположить духовенство к откровенным разговорам и получить какую-либо информацию о деятельности церкви. Духовенство приезжает к уполномоченному из районов, являясь лишь за получением регистрации и в редких случаях по хозяйственным вопросам, и за такой короткий срок пребывания трудно расположить человека, чтобы после первой беседы он был более откровенным... При посещении мною приходов я стараюсь с духовенством, членами церковного совета, да и с членами двадчатки вести себя как можно проще, чтобы они не расценивали мой приезд как приезд какого-то ревизора. Такое поведение располагает некоторых из духовенства и других церковников к более откровенным разговорам, и это дает положительные результаты... Основной упор я делаю на священников города Горького, с которыми можно встречаться более часто при посещении церквей и которые, как я думаю, больше могут знать об установках, даваемых архиереем... в области укрепления влияния церкви.

Например, настоятель кафедрального собора Молев Г. В., 1920 г. рождения, имеет высшее светское образование, заочно учится в Ленинградской духовной академии, изредка посещает уполномоченного по разным вопросам. Я стал чаще вести с ним беседы на отвлеченные темы, стал интересоваться его учебной, спрашивать, какие трудности встречается он и т. д., стал располагать на более откровенные беседы, и нужно сказать, что добился некоторых результатов. Молев стал откровенно говорить о всех службах, проводимых архиереем. Говорил он и о поездке своей в Москву по поручению архиерея к патриарху... сообщил, что архиепископ Борис⁶³ должен уехать в США. На место митрополита Ленинградского Григория [Чукова.— А. М.] хотели назначить Вениамина⁶⁴... но якобы он не оправдал доверия патриарха — дал возможность закрыть две церкви в Таганроге. Вторая кандидатура — Елиферия⁶⁵ из Чехословакии. В Чехословакии духовенство, которое работает на гражданской работе, побросало якобы работу и старается попасть на его место. В Китае закрывается миссия. Из этой беседы можно сделать вывод, что Молев может сообщить о всех событиях, которые происходят в церкви. Митрополит Корнилий стал реже посещать уполномоченного. Объясняется это его 82-летним возрастом и частым недомоганием, тем более, что комната моя помещается на 4-м этаже и такому старцу, как он, подниматься составляет большие трудности. Поэтому все принципиальные вопросы решаются через секретаря. Несмотря на это, я в курсе всех событий жизни епархии. Архиерей регулярно высылает мне протоколы заседаний епархиального совета, которые проходят еженедельно⁶⁶. Позднее, в годы хрущёвских гонений, священник Георгий Молев проявил себя ревностным защитником церковных интересов, за что навсегда лишился регистрации. Это был, несомненно, умный и образованный человек, понимавший смысл действий уполномоченного. Представляется, что Богданов уважал о. Георгия как пастыря: о. Георгий тайно крестил его детей, они бывали в гостях друг у друга. О таких отношениях со священником уполномоченный в Москву не сообщал.

Пристальное внимание к духовенству со стороны уполномоченного в конце 1950-х гг. можно объяснить не только началом нового этапа гонений, но и желанием властей найти среди духовенства подходящих кандидатов для участия в международной деятельности Церкви. Карпов доводил до сведения всех уполномоченных, что им «следует выявлять среди служителей религиозного культа наиболее лояльных и патриотически настроенных лиц для использования их на работе с иностранными делегациями и для работы за границей»⁶⁷. Богданов отвечал: «В связи с тем, что большая часть духовенства общее образование имеет низшее, трудно подобрать кандидатуру для заграничной работы. Со своей стороны предлагаю настоятеля кафедрального собора Георгия Васильевича Молева... Всесторонне развит, политически грамотный, культурный. Сам он не возражает»⁶⁸. Кандидатура о. Георгия была одобрена, и он некоторое время служил в Англии. После отъезда о. Георгия Богданов сделал ставку на благочинного Морозова, характеризуя его московскому начальству как подходящего кандидата для работы с иностранными делегациями (иностранцы ожидалась в Горьком летом 1957 г., в связи с про-

ведением в Москве международного фестиваля молодежи и студентов). Однако вскоре Богданов вынужден был сделать в своих документах следующую запись: «Внести изменения. Морозова ни в коем случае не допускать»⁶⁹. Из Морозова информатор не получился. Для работы с иностранцами Богданов предлагал ревностного и почитаемого народом пастыря, протоиерея Николая Ивановича Красовского, 1886 г.: «Образование высшее духовное. В течение 11 лет работал преподавателем немецкого языка, на котором владеет разговорной речью. Знает французский и английский языки, может переводить со словарем»⁷⁰. По-видимому, и в этом случае уполномоченного постигла неудача.

Таким образом, в конце 1950-х гг. политика государства по отношению к Церкви ужесточилась. Православный священнослужитель в глазах властей все отчетливее приобретал черты идеологического противника, была поставлена задача создания агентуры среди духовенства для усиления контроля за Церковью. Однако, как можно судить по отчетам уполномоченных, процитированным в инструктивном письме Карпова от 31 января 1956 г., многие чиновники на местах, нашедшие определенные формы сосуществования с епархиальными структурами, не были готовы к проведению новой политики. Уполномоченный по Николаевской области в письме Карпова осуждался за слишком частое общение с архиереем в неформальной обстановке. Крымский уполномоченный был заподозрен руководством Совета в тайном почитании архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), ибо детально и с нескрываемым восхищением излагал в отчетах его проповеди. Сложно было перестроиться и Богданову, в результате в 1960 г. он был смещен, и его преемник строил свою деятельность уже на иных основаниях.

Протоиерей Владислав Цыпин, пытаясь определить приблизительно численность верующих в Советском Союзе во 2-й половине 1940-х — 1950-х гг., отметил: «Половина советских граждан в послевоенные годы оставалась истинно верующими людьми и, вероятно, более 50 млн из них принадлежало Русской Православной Церкви»⁷¹. Документы из архива уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Горьковской области свидетельствуют о том, что немногочисленный слой новой атеистической интеллигенции имелся в городах, в то время как основная масса народа — рабочие и служащие, многие из которых еще недавно жили в сельской местности, — была верующей. Уполномоченный, посетивший в 1949 г. Шатковский район, докладывал в Совет о жителях села Архангельского-Кобылина: «На религиозность населения церковь оказывает большое влияние, особенно это сказывается на учениках, которые находятся в религиозной семье. Ученики носят крестики, проходя мимо церкви крестятся. В праздники, совпадающие с рабочими днями, ученики в школу не ходят, а идут в церковь. На родительском собрании в школе родителям заявили, чтобы школе не мешали воспитывать ребят и незачем на школьников надевать крестики. Тогда родители запротестовали против снятия крестиков с их детей, говоря: “Почему Вы запрещаете носить ребятам крестики, если у нас в стране открыты семинарии и духовные академии, где готовят лиц для служения Богу?”»⁷².

В некоторых докладах Богданов пытался доказать, что посещаемость сельских храмов снижается, народ теряет веру, но приводимые им цифры говорят об обратном. Из информационного доклада за 4-й квартал 1952 г.: «Посещал храм в с. Великий Враг Кстовского р[айо]на 19 декабря, в Николу. Жителей в селе 300 человек, вокруг 9 деревень... На службе в храме было 350 человек... Из 62 зарегистрированных браков 35% венчались, из 43 новорожденных 50% крестили. Всех умерших (21 чел[овек]) хоронили со священником... Двдцатка дружная, склок никаких не бывает. Это подтверждается тем, что с 1948 г. совет не переизбирался... Культурно-просветительская работа в селе не ведется совсем. В селе нет радио, клуба, избы-читальни, красного уголка, кинокартин никогда не бывает. Имеется библиотека, помещение которой очень малб, да и работает она с 9 утра до 5 вечера, так что если бы кто и хотел вечером почитать газеты, журналы, поиграть в шашки, то этой возможности лишены. Лекций никогда не было. В результате плохой культурно-просветительной работы среди населения отмечается развитие культа религиозных обрядов... Положение церкви за последнее время укрепилось, несмотря на то что местные жители хотя и стали реже ходить в нее, но из окружающих сел и деревень все еще посещают. В связи с развертыванием около этого села промышленного строительства, куда прибывают рабочие, не исключена возможность увеличения посещения»⁷³.

Интересные сведения о религиозности людей содержатся в отчете Богданова о посещении храма в селе Н. Ключищи Кстовского района: «Секретарь РК КПСС т. Шишкин М. Ф. рассказал о влиянии церкви на население и отдельных коммунистов. Он говорит, что население чаще стало справлять религиозные праздники, особенно престольные, к которым готовятся за неделю, и гуляют три дня, не считаясь с работой в колхозе. Кроме этого, и отдельные коммунисты стали справлять религиозные обряды. Зимой [19]50/51 г. в селе Черемуха у учителя, члена партии Масленникова умерла жена-учительница. Директор школы Ставанов Н. И., член партии, решил всей школой проводить в последний путь товарища. Вышел весь учительский персонал и ученики, тут же умершую сопровождал священник. Вся эта процессия двинулась на кладбище. Священник совершал свой обряд... Колхозница Лисина Аграфена до открытия церкви состояла кандидатом в члены партии, после открытия стала посещать ее и вышла из кандидатов. Отец ее Лисин Евтихий Емельянович во время войны был председателем колхоза, а в 1952 году посветился в сан диакона, до этого состоял членом церковного совета»⁷⁴.

В начале 1953 г. Богданов посетил село Румянцево Дальне-Константиновского района, где жили около 1150 человек и имелся действующий храм. В воскресные дни церковь посещали 150–200 человек. «На Пасху 1950 года на богослужении молящихся было около 2000 человек. Из соседних деревень не все смогли добраться до села из-за разлива реки. Священник часто выезжает по приглашению верующих для совершения служб на дому. В большие праздники ходит с молитвами по домам. Влияние церкви сказывается на школьниках, которым родители запрещают вступать в пионеры, в посты не дают есть мясное, ходят в церковь. Директор НСШ (неполной средней

школы) т. Шестерикова В. П. сообщала, что ученик 5-го класса Морозов Борис вместе со своей сестрой, ученицей 4-го класса, систематически посещают церковь, в посты не едят мясное. С ним вели неоднократно беседы, но на все доводы учителей никак не реагирует, говорит одно: “Ходил и буду ходить, в дальнейшем пойду учиться на священника”. Отец его Морозов Александр Алексеевич — религиозный человек. Церковь оказывает влияние на население. Даже некоторые коммунисты посещают храм. Из 29 зарегистрированных новорожденных в 1952 году всех крестили, в 1953 году крестили 6 человек. Молодежи венчалось в 1952 году 20 пар и в 1953 году 5 пар»⁷⁵. Рост религиозности населения Богданов неизменно объяснял низким уровнем культурно-просветительной работы: «В селе Румянцево имеется небольшой колхозный клуб. По своему внешнему и внутреннему виду напоминает сарай, раньше в этом помещении была конюшня. Внутри никакого оборудования нет, неуютно, зимой жуткий холод. Когда демонстрируются кинокартины, посетители стоят и топчутся на месте, с тем чтобы не замерзнуть... В великий пост кинотеатры посещают гораздо меньше людей, чем в обычное время, а в село Маймары, где больше проживает староверов, в это время кинопередвижка вообще не выезжает, так как никто не идет смотреть картины»⁷⁶. «Пионерские галстуки отдельные ребята не носят, считая это за грех. Под праздники в клуб не ходят, даже песни в эти дни не поют»⁷⁷. «Заведующая клубом села Беловское [рядом с селом Катунки, где есть действующий храм.— А. М.] говорит, что большинство взрослого населения религиозное, оно оказывает влияние на молодое... Два года назад на страстной неделе силами клуба ставили постановку. Учитывая такие дни, были посланы жителям пригласительные билеты, но никто не пришел, даже члены партии»⁷⁸. Подобные характеристики уполномоченный дает большинству населенных пунктов, где имеются действующие храмы.

Ежегодно уполномоченный направлял в Совет по делам Русской Православной Церкви спецсообщения о «сборищах на Светлом озере» в Воскресенском районе. С этими местами связаны предания о чудесном граде Китеже, который ушел под воду при нашествии татар и на его месте образовалось озеро Светлояр. Здесь с давних времен были крепки старообрядческие традиции. В районе озера Светлояр имелся православный храм в честь Владимирской иконы Божией Матери, по храму получило название и село — Владимирское. В 1950-х гг. церковь была закрыта, но религиозная жизнь продолжалась. В селе, в доме, принадлежавшем монахине, действовал нелегальный молитвенный дом, в котором регулярно совершались общественные богослужения. В праздник Владимирской иконы Божией Матери к озеру собирались верующие и устраивали крестные ходы. Вот как об этом в 1953 г. писал Богданов, ежегодно посещавший село в день праздника: «В честь религиозного праздника по 3 раза вокруг озера ходили школьники Шадринской школы Воскресенского района целыми классами. Ученицы 5-го класса этой школы Ершова и Прокудина сказали, что вся наша школа ходит вокруг озера 3 раза. По их словам, сегодня здесь гулянье не в честь советского праздника, а в честь праздника “Владимирской”... Здесь же среди верующих можно

слышать всевозможные легенды о чудесах и исцелениях, которые совершаются после ползания вокруг озера... Сюда же к вечеру на гулянье приезжают на легковых и грузовых машинах. Приехали некоторые ответственные работники Семеновского райисполкома: управляющий Госбанком, инспектор райфо, директор Боковского льнозавода, начальник лесоучастка со станции Керженец. Председатель Н.-Петровского с/совета с председателем колхоза «Новая жизнь» приехали на лошади. Всего зарегистрировано 13 машин, принадлежащих государственным учреждениям»⁷⁹. Богданов не поленился переписать номера машин и сообщить в соответствующие инстанции для проведения индивидуальной работы с должностными лицами, использовавшими государственный транспорт для «отправления религиозных обрядов». «Вечером этого дня,— продолжал уполномоченный,— у озера на горе молодежь устроила гулянье... здесь можно было встретить комсомольцев и учителей»⁸⁰. Пытаясь назвать причины устойчивости религиозных традиций в народе, Богданов в конце докладной записки отметил: «В селе хотя и имеется небольшой клуб, но работает он очень плохо, кружковой работы не ведется. За год сменилось 7 заведующих клубом. Электросвета в селе нет, радио не работает из-за отсутствия движка, в то же время в селе имеется незарегистрированный молитвенный дом, в котором регулярно проводятся моления»⁸¹.

Таким образом, в 1950-х гг. значительная часть русских крестьян в глубинке еще жила в соответствии с православным укладом. Молодое поколение воспитывалось в условиях советской действительности, но росло на почве еще живых православных традиций и в той или иной мере усваивало их. Приведу несколько выдержек из заметок уполномоченного о религиозности населения: «В селе Старково церковь посещает значительное число молодежи, особенно девушки, приходят и дети школьного возраста. Перед экзаменами школьники служат молебен «пророку Науму». На вопрос... «Почему Науму?», отвечают: «Пророк Наум наставит на ум»»⁸². «На квартирах верующих совершаются всевозможные требы, вплоть до крещения взрослых. В городе Дзержинске крестилось 5 человек в возрасте 20–25 лет, некоторые из них семейные, проживающие совместно несколько лет»⁸³. «Сохранились еще обряды в Крещение купаться. В селе Арефино нет реки, здесь принято обливаться в этот день. Так, в праздник Крещение в этом году обливалось водой 50 женщин, и удивительно, ни одна из них не заболела»⁸⁴.

Особое место в докладах Богданова в Совет по делам Русской Православной Церкви занимают «праздничные» спецсообщения. В обязанности уполномоченного входило посещение городских храмов во время богослужений на большие церковные праздники, когда в них собиралось значительное число верующих. В спецсообщениях уполномоченный указывал приблизительное число молящихся в том или ином храме и отмечал, сколько среди них было мужчин и женщин и примерный возраст молящихся. Из спецсообщения о пасхальных службах 3 мая 1951 г. в церквях Горького: «За пасхальной службой верующих в церкви поселка Высоково было около 15 000 человек. Из них мужчин и женщин в возрасте от 30 до 50 лет около 70%, молодежи до 25 лет около 20% и пожилых 10%, детей школьного возраста

ИССЛЕДОВАНИЯ

около 200 человек. В церкви поселка Карповка молящихся было около 20 000 человек. Из них мужчин и женщин среднего возраста от 30 до 50 лет около 60%, от 20 до 30 лет — 25%, свыше 50 лет — 15%, детей школьного возраста около 300 человек. В церкви поселка Печеры было около 8000 человек. Среднего возраста около 65%, от 18 до 30 лет — 15%, пожилого возраста — 20%. Детей школьного возраста около 60 человек»⁸⁵.

В другом документе Богданов сообщал следующие сведения: «Анализируя посещаемость церквей верующими в городе Горьком, можно сказать, что религиозность растет. Посещаемость церквей верующими увеличивается. Это подтверждается тем, что доходность церквей с каждым годом растет, несмотря на то что в церквях произошли снижения цен за требы, свечи и др., а также степенью развития культа религиозных обрядов, что видно из ниже следующих цифр. По г. Горькому, церковь в поселке Карповка

	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г. (за январь)
Крещения	4352	5721	5884	178
Похороны	1048	1281	1600	128
Венчаний	328	527	621	124

Доходность данной церкви: 1948 г.— 828 618 руб[лей]; 1949 г.— 1 085 179 руб[лей]; 1950 г.— 1 239 746 руб[лей]»⁸⁶.

Приведу выдержки из спецсообщений уполномоченного за разные годы. О богослужениях зимой 1951 года: «Рождественская служба в церквях города Горького проходила с 3 часов утра и состояла из утрени, начавшейся в 3 часа утра, ранней литургии с 7 часов утра и поздней литургии с 10 часов утра. Из личных наблюдений установлено: в церкви поселка Карповка за ранней литургией было 800 человек, до начала поздней — около 1200 человек. В числе молящихся юноши и девушки, а также дети школьного возраста... Некоторые верующие старушки пришли накануне, выстаивая по две службы. В связи с наплывом молящихся здание церкви не вмещало всех, некоторые стояли при входе в храм, из-за тесноты и духоты в помещении с пожилыми женщинами были обмороки. В церкви поселка Высоково за ранней литургией молящихся было около 700 человек, до начала поздней литургии — около 1500 человек, но верующие еще подходили. Здесь также среди молящихся была молодежь»⁸⁷. «18 января, в “сочельник”, молящихся в церкви п. Высоково было около 2000 человек... Были дети школьного возраста — около 50 человек, которые пришли в церковь с ведерками и бутылками за крещенской водой. После службы в течение всего дня верующие шли в церковь за водой. 19 января, в день “Крещения”, за службой в церкви поселка Карповка было около 6000 чел[овек]... Молодежи было около 1500 человек в возрасте от 18 до 23 лет»⁸⁸. О пасхальных богослужениях 1952 г.: «В церкви поселка Высоково за пасхальной службой было по грубому подсчету около 10 000 человек...

Молодежи около 20%, детей человек 200–300... Несколько групп хулиганов свистели, кричали, бегали в ограде и т. д., а также проникнувшие в церковь хулиганы нарушали правила приличия. На улице в отношении озорников принимались меры милицией, но в церкви это было сделать невозможно из-за тесноты. Во время крестного хода 25-летнюю девушку уронили и помяли, получила сильный ушиб ноги. Дежурным врачом ей была оказана медицинская помощь, после чего вызвали скорую, и пострадавшая была отправлена в больницу. В церкви поселка Карповка было около 15 000 человек. Детей и подростков 350 человек»⁸⁹. О богослужении на Рождество Христово в храме в Балахне в 1953 г.: «6-го января в 6 часов 30 минут началась всенощная. Молящихся было 1200 человек. Мужчин 30%, молодежи около 40 человек, детей школьного возраста около 30 человек. 7-го в 3 часа утра началась заутреня. Молящихся было 1500 человек, из них 50% мужчины, молодежи около 10%, детей школьного возраста 15 человек. Ранняя обедня началась в 6 часов утра. Молящихся пришло около 1600 человек... Начало поздней службы было в 10 часов утра. Молящихся насчитывалось 700 человек, мужчин около 10%, молодежи около 3%. В 10 часов утра дети школьного возраста группой по поселку стали ходить со славой, таких групп было 3 в количестве 12 человек каждая»⁹⁰. О богослужении на Крещение в 1953 г.: «18 января 1953 года, в “сочельник”, который совпал с общим выходным днем — воскресеньем, молящихся в церкви поселка Высоково в 10.15 было 1500 человек, в церкви поселка Карповка в 11.30 было 1300 человек, в церкви слободы “Печеры” было около 1400 человек. Во всех церквях молящиеся в здание не вмещались, стояли на улице. В слободе “Печеры” в 200 метрах от церкви у колодца женщины организовали песнопения, где было около 60 человек, но к нему все шли молящиеся, с тем чтобы взять воды. Таким образом около колодца организовалось массовое моление, которое заключалось только в песнопении»⁹¹. О пасхальных богослужениях в 1953 г.: «В церкви поселка Карповка, где пасхальную службу вел архиепископ Корнилий, молящихся было, по грубому подсчету, около 10 000 человек, очень много было молодежи в возрасте 20–25 лет, а также школьники. В церкви поселка Высоково молящихся было около 6000–7000 человек, где также было много молодежи. В обеих церквях молящиеся в храм не убралась, стояли в ограде и за оградой церкви. Кто желал попасть в помещение приходили с субботы в 12 часов дня. В поселке Кубенцево города Балахны молящихся было около 4000 человек. В ограде молодежь ходила группами и хулиганила. Для наблюдения за общественным порядком были два милиционера, переодетые в штатское, но мер к хулиганам никаких не принимали»⁹².

Опираясь на эти сообщения, можно с уверенностью констатировать рост религиозности населения в 1950-х гг. Несмотря на ограниченные возможности Церкви в области духовного просвещения народа, полноценного проповедничества и совершенный запрет на благотворительную, издательскую и социальную деятельность, духовное влияние Церкви на людей оставалось значительным. Государство стремилось всячески сдерживать это влияние, создавая всевозможные ограничения для приходской жизни. Потребность

в открытии храмов оставалась, но ходатайства о возвращении храмов общинам, как правило, не рассматривались, поэтому действующие церкви привлекали к себе огромные массы народа, особенно в дни больших праздников.

Регулярно в докладах уполномоченного отмечался рост церковных доходов. В церковной казне скапливались значительные денежные средства, но возможности для их расходования на нужды общин и епархии были весьма ограничены. В 1950-х гг. велась реставрация действующих храмов, строились подсобные помещения, крестильные дома, дороги, жилье для священников и причта. В церковные здания проводили водопровод, электричество, паровое отопление, благоустраивали территории, закупами автомобили для выезда на требы. Такое положение имело место не только в городах, но и в сельской местности. В 1952 г. уполномоченный доносил в Совет по делам Русской Православной Церкви об активной деятельности протоиерея Николая Архангельского по укреплению прихода в городе Кулебаки: «Общиной куплены легковая машина “Победа” и выездная лошадь для населенных пунктов, где невозможно проехать на машине. Архангельский бесплатно эксплуатирует транспорт для совершения обрядов... Влияние Архангельского оказывается и на церковном совете. Они ставили вопрос в горсовете об отводе земельного участка под постройку церкви [община имела небольшой молитвенный дом.— А. М.]. Им отказали, а также отказано в надстройке и архитектурном изменении здания ввиду малых противопожарных разрывов. Горсовет в 1951 году разрешил общине сделать текущий ремонт: смену тесовой кровли и устройство вентиляции. Несмотря на это, Архангельский переделал крышу кольцевую на шатровую. Внутри сделал хоры. Здание удлинил на 3 метра. Реконструкция молитвенного дома с уполномоченным согласована не была»⁹³. Карпов посоветовал Богданову ходатайствовать перед архиепископом о снятии Архангельского с регистрации. В докладе уполномоченного за 2-й квартал 1952 г. значится, что протоиерей Николай Иванович Архангельский лишен сана, хотя на самом деле он был переведен за штат.

Самой посещаемой и, соответственно, доходной церковью епархии был храм в рабочем поселке Карповка в Горьком, недалеко от Горьковского автомобильного завода. Количество рабочих мест на предприятии постоянно увеличивалось, рос и рабочий поселок, население которого в основном составляли вчерашние крестьяне, не потерявшие связь с православными традициями и охотно посещавшими храм. Уполномоченный в докладах Совету регулярно давал характеристику этому приходу, отмечая все происходившие изменения: «В 1948 году епископом был назначен новый настоятель Ветошкин. Он свою деятельность начал с ремонта зданий, восстановления живописи, восстановил хор... Увеличилась доходность церкви. По данным епархиального управления: 1948 г.— 828 тысяч рублей; 1952 г.— 1 млн 471 тысяч рублей [вполне вероятно, что данные занижены.— А. М.]. Ветошкин развернул работу по устройству храма и постройке подсобных служб. Здание церкви было покрашено, отремонтирована крыша. Городским советом было разрешено построить каменную сторожку. Чтобы увеличить полезную площадь, сделали подвальное помещение, где устроили квартиру сторожей, а сейчас оборудуют

котельную. 1-й этаж используется для крещения, и там же помещается бухгалтерия. Площадь вокруг церкви заасфальтировали. Увеличилось количество крещений, в отдельные дни, как говорит священник Ветошкин, доходит до 100 человек. Общиной куплена легковая машина «Победа», которая используется для выезда на требы. Все это создало авторитет общине, в результате чего увеличился приток верующих, отсюда увеличилась доходность»⁹⁴. В 1953 г. Богданов сообщал, что в карповской церкви в отдельные воскресные дни крестят «до 150 человек и до 100 пар венчаний... В обычные воскресные дни храм посещают около 1000 человек... В эти дни проходит 3 литургии»⁹⁵.

Спустя 3 года уполномоченный докладывал о посещении карповской церкви в воскресенье, которое совпало с днем памяти святых мучениц Веры, Надежды, Любви и Софии: «Лично пришлось наблюдать за службой 30 сентября... Молящихся около 800 человек, среди них было много молодежи. В этот день крестили 143 человека, венчались 43 пары. По словам старосты Кукушкиной, в некоторые дни венчают до 150 пар — исключительно молодежь... Необходимо отметить, что доходность церкви увеличивается еще и от выигрышей государственных займов. Вот некоторые данные: 1954 год — выиграли 12 300 рублей; 1955 год — 45 200 рублей. Облигаций на 1 января 1956 года имелось на сумму 526 500 рублей. Имея облигации на такую сумму, есть шансы на более крупные выигрыши. Со своей стороны считаю возможным поставить вопрос перед Патриархией о сдаче облигаций церквями в доход государству. Среди верующих есть еще фанатики, которые большие суммы — до 1000 рублей — жертвуют на церковь. В 1954 году от таких пожертвований поступило 18 082 рубля, в 1955 г. — 11 395 рублей. Кроме денежных пожертвований верующие несут натурой — мукой. Как говорит староста Кукушкина, были месяцы, когда муки приносили по 200 кг. Сейчас ее скопилось столько, что хватит выпекать просфоры на несколько лет. Ежегодный расход муки — 2 тонны. Ни разу с 1948 года на рынке муку не покупали. При таком колоссальном доходе, конечно, и расход на обслуживание церкви увеличивается. 1955 г.: доход — 1 млн 739 тыс[яч] 038 рублей, расход — 675 тысяч рублей (продолжается позолота иконостаса, которая выразится в 1 млн руб[лей])»⁹⁶. «У церкви ежегодно остаются средства, на которые они могут производить новое строительство, ремонт и реставрацию... Церковный совет, возглавляемый настоятелем Ветошкиным, принимает меры к тому, чтобы создать как можно лучшую обстановку для верующих. Они занимаются реставрацией живописи, ремонтом зданий и т. д. В городе Горьком очень тяжело с жилищным вопросом. Вновь прибывшее духовенство не может найти себе квартиры. Церковный совет поставил передо мной вопрос о даче разрешения на постройку жилого дома. Такое разрешение мною выдано, райсоветом отведено место. Сейчас уже заготовили материал: кирпич, шлакоблоки и др. Дом запроектировали восьмиквартирный. Сметная стоимость — 1 млн рублей. Смета послана на утверждение Патриарху»⁹⁷.

Самыми доходными в области церквями Богданов считал Воскресенский собор в Арзамасе и Сретенскую церковь в поселке Кубенцево в Балахне.

О последнем храме уполномоченный писал 20 марта 1954 г. в докладной записке секретарю обкома КПСС и председателю облисполкома: «С 1950 года произошли некоторые изменения в деятельности церкви пос[елка] Кубенцево г. Балахны... За 1953 год увеличилась посещаемость церкви и отправление религиозных обрядов. В престольный праздник “Сретение”, который совпал с рабочим днем, несмотря на плохую погоду (пургу), молящихся было около 1000 человек, здесь была и молодежь. Два года назад в этот праздник молящихся было не более 400–600 человек. Староста увеличение посещения церкви относит за счет рабочих, прибывающих на строительные работы Горьковской ГЭС... Доходность церкви резко увеличилась... За два месяца 1954 года обвенчалось 160 пар, что является небывалым случаем данной церкви... Церковный совет развернул работу по ремонту зданий. В 1953 году ими был сделан ремонт здания церкви, дороги от церкви до шоссе (150 м), ремонт ограды, сторожки, строительство временного гаража... Была куплена машина “Победа”, между священниками установлено дежурство, один из них неделю правит в церкви, другой разъезжает по квартирам, заезжает в такие отдаленные уголки, куда раньше не ходили и не пошли бы, если бы не имели а[вто]-машину... Община содержит хор — 19 человек»⁹⁸.

Несколько меньшее оживление приходской жизни наблюдалось в отдаленных районах области, но и там в 1950-х гг. продолжался процесс укрепления общин, росли церковные доходы, увеличивалось число крещающихся и венчающихся. Уполномоченный добросовестно докладывал в Совет об изменениях в жизни приходов, но собственной оценки этим явлениям не давал или давал весьма осторожно, дожидаясь указаний сверху: «За последнее время церковь заметно активизирует свою деятельность в направлении сохранения своего влияния среди верующей части населения. Эта активизация проявляется в организации торжественных служб, певчих хоров, проповедничества, обслуживания верующих на дому и т. д. Наблюдается забота церкви о ремонтах храмов и создания в них благолепия»⁹⁹. В 1953 г. Горький посетил заместитель заведующего инспекторским отделом Совета по делам Русской Православной Церкви И. Сивко для проверки работы уполномоченного и для ознакомления с положением Церкви в области. В документах Богданова имеется доклад Сивко Председателю Совета Карпову. В докладе, в частности, говорится: «Ни в одной области РСФСР нет такого высокого процента церквей, в которых проводились бы ежедневные службы (12 храмов)... Число подаваемых в области ходатайств об открытии церковью продолжает оставаться сравнительно высоким и с 1950 года не снижается»¹⁰⁰.

Таким образом, в послевоенный период до начала хрущёвских гонений, несмотря на стесненное положение, Церковь укрепила свои позиции как в духовном, так и в материальном отношении. Это было достигнуто в немалой степени вследствие канонического устройства приходской жизни, когда настоятель являлся председателем исполнительного органа приходской общины. Находясь в прямом подчинении у архиерея и, соответственно, в дисциплинарных рамках, предусмотренных церковным Уставом, настоятель распоряжался материальными средствами на благо общины. Безусловно,

злоупотребления имели место и в эти годы, но их было несравнимо меньше, чем в период после 1961 г., когда под давлением властей был принят новый Устав Русской Церкви, по которому настоятель отстранялся от хозяйственной деятельности, а в исполнительный орган назначались люди, которым были чужды интересы Церкви и вера их зачастую была сомнительной.

Предвестником будущих изменений можно считать секретное письмо Карпова, разосланное уполномоченным Совета по делам Русской Церкви в начале 1953 г. Неизвестно, имело ли это письмо отношение к будущей реформе приходского управления, однако оно свидетельствует об определенной озабоченности властей относительно руководства настоятелями приходской жизнью: «По сообщениям уполномоченных Совета, во многих церковных общинах исполнительные органы (церковные советы, ревизионные комиссии) не занимаются делами общины и фактически числятся формально, а всеми вопросами финансово-хозяйственной деятельности общины ведает единолично или совместно со старостой настоятель церкви. Отмечаются также и факты принижения двадцаток, когда последние не принимают участия в выборах членов церковных исполнительных органов, не заслушивают их докладов по вопросам хозяйственной деятельности и т. д. Причем в ряде случаев пополнение состава членов двадцатки производится путем выбора их из числа прихожан, а негодные настоятелю церкви члены двадцатки устраняются из ее состава административным путем, что противоречит принципу образования и пополнения церковных двадцаток. Все это создает в церковных общинах благоприятную почву для безнаказанного воровства и расхищения общинных денежных средств, что и имеет место во многих церквях, которые в силу сказанного стали местом обогащения для отдельных лиц. Совет предлагает в течение 3 месяцев изучить все имеющиеся и вновь добытые материалы по этим вопросам и к 5 мая сего года представить в Совет специальную записку, осветив в ней примерно следующие вопросы. 1. Количество церковных общин, где управление хозяйственной деятельностью общины находится в руках настоятеля или старосты церкви, а церковный совет в целом фактически отстранен от этих функций и ревизионная комиссия не занимается ревизионной работой. Иллюстрировать это характерными примерами. 2. Количество поступивших к Вам по этому вопросу жалоб (письменных, устных) за 1951 год и отдельно за 1952 год от церковного актива, прихожан и от какого числа общин. Привести наиболее характерные жалобы. Принимались ли и какие Вами меры по отдельным жалобам. Как реагирует на такие жалобы правящий архиерей. 3. Как широко распространены в епархии случаи, когда церковные двадцатки не осуществляют своей роли учредителей и их права игнорируются. В чем конкретно это выражается, в частности, нет ли фактов подмены двадцаток созывом общих собраний прихожан, выборов членов двадцаток по указанию настоятеля или епископа и т. д. 4. Сколько поступило к Вам (в 1951 г. и отдельно в 1952 г.) по этим вопросам жалоб от членов двадцаток и рядовых прихожан. Как Вы реагировали на эти жалобы. Какие меры принимались по такого рода фактам правящим епископом. 5. Показать, увеличивается или нет за последнее время (1951–1952 гг.) количество общин,

где имеют место растраты и хищения общинных денежных средств. Привести характерные примеры этого воровства. Какова практика борьбы с растратами и хищениями и роль в этом деле ревизионной комиссии (были ли случаи и сколько передачи дел на виновных в хищении в суд, кто и как передавал эти материалы в органы прокуратуры или непосредственно в народный суд, результат рассмотрения этих дел в суде и т. д.). Принимались ли Вами какие-либо меры по фактам хищения в общинах денежных средств. Какую занимает линию в этих вопросах епископ. Перечень этих вопросов является примерным, поэтому он должен быть по возможности дополнен имеющимися у вас характерными материалами. Совет имеет в виду сделать обобщение полученных от Вас материалов, поэтому необходимо представить материалы в срок и по возможности полнее ответить на поставленные вопросы»¹⁰¹.

Богданов поспешил ответить на запрос Совета: «В 1951–[19]52 г. заявлений на исполнительные органы, которые не занимаются делами общины, а всеми вопросами ведает единолично настоятель, не было. При проверке деятельности церковью установлено, что в отдельных приходах всей финансово-хозяйственной деятельностью общин владеют старосты... В некоторых приходах священники спелись с исполнительными органами, длительное время ревизий не делается и двадцатка в финансово-хозяйственной деятельности общины никакого участия не принимает... В отдельных приходах имеются факты, когда настоятели исключают из двадцатки старых ее членов и выбирают себе угодных лиц, которые не возражали бы ему»¹⁰². Все утверждения уполномоченный иллюстрировал примерами.

Несмотря на констатацию отдельных фактов финансовых злоупотреблений в приходах, ни в документах Совета, ни в докладах уполномоченного в начале 1950-х гг. ничто не предвещало перераспределения властных полномочий в хозяйственной деятельности прихода. Речь шла лишь о наведении порядка в соответствии с существующим Уставом Русской Церкви, причем процесс этого упорядочения предполагалось вести в основном через правящего архиерея. До 1957 г. власти не предпринимали попытки грубого вмешательства в приходскую жизнь и установления контроля за финансовой деятельностью прихода. Напротив, после публикации в 1954 г. постановления «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» в церковных кругах появилась надежда, что планы борьбы с религией и притеснения Церкви не осуществляются. Уполномоченный в докладах отмечал, что после выхода в свет этого постановления священники начали жаловаться на хулиганские действия молодежи по отношению к Церкви и духовенству и смело высказывать недовольство. Богданов также отмечал случаи финансовой помощи общин органам власти, когда «отдельные руководители местных советских органов под видом выполнения всевозможных мероприятий в городе обращались к церковным общинам за денежной помощью»¹⁰³. Таким образом, рост религиозности населения страны и укрепление позиции Церкви в послевоенные годы сделали почти неизбежным новый этап антицерковных репрессий со стороны атеистического государства, не перестававшего все эти годы считать Церковь своим противником.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В послужном списке А. М. Богданова значилось, что он родился в 1901 г., в 1925 г. вступил в ВКП(б), имел среднетехническое образование. Перед тем как занять должность уполномоченного, Богданов работал на заводе заместителем начальника цеха. Выбор пал на него, естественно, не случайно: в 1931–1941 гг. он сотрудник НКВД.
- ² Корнилий (Попов; 7 августа 1874 г. – 27 октября 1966 г.), 5 июля 1915 г. хиротонисан во епископа Рыбинского, викария Ярославской епархии, с 15 февраля 1921 г. епископ Сумской, викарий Харьковской епархии. В сентябре 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1943 г. принес покаяние и был принят в общение с Московской Патриархией в сане епископа, с декабря 1943 г. епископ Сумской и Ахтырский, с февраля 1945 г. архиепископ; с 13 апреля 1945 г. архиепископ Виленский и Литовский, в 1945–1947 гг. управлял Рижской епархией. Архиепископ Горьковский и Арзамасский с 18 ноября 1948 г., 14 августа 1961 г. освобожден от управления епархией.
- ³ Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦА НО), ф. 5899, оп. 3, д. 11, л. 149.
- ⁴ Там же, д. 1, л. 11.
- ⁵ Там же, л. 7.
- ⁶ Там же, д. 6, л. 33–34.
- ⁷ В списке населенных пунктов, где действуют зарегистрированные приходы, село Глебово не значится. По всей видимости, этот храм был закрыт перед войной, и впоследствии открыть его не удалось.
- ⁸ ЦА НО, ф. 5899, оп. 3, д. 6, л. 45.
- ⁹ Там же, л. 47.
- ¹⁰ Там же, л. 31–32.
- ¹¹ Там же, д. 7, л. 95–96.
- ¹² Там же, л. 92–93.
- ¹³ В селе Богоявление в то время было хорошее церковное здание с иконостасом и утварью, ключи от храма хранились у верующих, но власти не разрешили открыть приход.
- ¹⁴ Детская колония размещалась в постройках закрытого монастыря.
- ¹⁵ ЦА НО, ф. 5899, оп. 3, д. 12, л. 47.
- ¹⁶ Там же, д. 6, л. 48.
- ¹⁷ Там же, д. 7, л. 98.
- ¹⁸ Там же, д. 19, л. 30.
- ¹⁹ Там же, д. 5, л. 60.
- ²⁰ Там же, д. 7, л. 9.
- ²¹ Там же, л. 89.
- ²² Там же, л. 97.
- ²³ *Цытин В., прот.* История Русской Церкви 1917–1997. Кн. 9. М., 1997. С. 399.
- ²⁴ ЦА НО, ф. 5899, оп. 3, д. 1, л. 7.
- ²⁵ Там же, д. 7, л. 99–100.
- ²⁶ Там же, д. 11, л. 120.
- ²⁷ Там же, л. 2.
- ²⁸ Там же, д. 12, л. 8.
- ²⁹ Там же, л. 8–9.
- ³⁰ Там же, д. 16, л. 48.
- ³¹ Там же, д. 19, л. 6–7.
- ³² Там же, д. 9, л. 3.
- ³³ Там же, д. 13, л. 2.
- ³⁴ Там же, л. 3. Постановление «Об изменениях порядка открытия молитвенных зданий» было принято в период временного ослабления гонений на Церковь. Антицерковные меры, связанные с исполнением постановления «О крупных недостатках»

ках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» от 7 июня 1954 г., были на время отложены. Протоиерей Владислав Цыпин объясняет этот шаг властей следующим образом: «Новый натиск на Церковь получил широкую огласку на Западе и критические комментарии в зарубежной печати. Это оказалось совсем не ко времени и подрывало авторитет советского руководства, предпринимавшего особенно энергичные усилия по выводу страны из изоляции, по смягчению холодной войны и предотвращению угрозы третьей мировой войны. Аргументы противников развязывания новой кампании борьбы с Церковью дошли до Хрущёва, и он согласился с ними. По его инициативе 10 ноября 1954 г. было принято новое постановление ЦК под названием «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». По существу это постановление было знаком отбоя» (Цыпин В., *прот.* Указ. соч. С. 364).

³⁵ ЦА НО, ф. 5899, оп. 3, д. 7, л. 46.

³⁶ Там же, д. 2, л. 15.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, д. 1, л. 9.

³⁹ Там же, д. 9, л. 13.

⁴⁰ Там же, д. 7, л. 99.

⁴¹ Там же, д. 9, л. 22.

⁴² Там же, л. 58–59.

⁴³ Там же, д. 11, л. 123.

⁴⁴ Там же, л. 134.

⁴⁵ Там же, л. 130.

⁴⁶ Там же, л. 128.

⁴⁷ В 1954–1957 гг. территория Горьковской епархии включала в себя Горьковскую и Арзамасскую области. Тем не менее в Арзамасе имелся свой уполномоченный Совета по делам Русской Церкви. Богданов докладывал только о своей части епархии. Фактически в то время под управлением Горьковского митрополита состояло намного больше клириков.

⁴⁸ ЦА НО, ф. 5899, оп. 3, д. 16, л. 2.

⁴⁹ Там же, д. 11, л. 134.

⁵⁰ Там же, д. 3, л. 7.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, л. 9.

⁵⁴ Там же, д. 11, л. 3–4.

⁵⁵ Там же, л. 15.

⁵⁶ Там же, д. 14, л. 16.

⁵⁷ Иларион (Прохоров; 9 марта 1889 г.— 27 января 1973 г.) 8 сентября 1945 г. определен епископом Сумским и Ахтынским, 28 сентября 1945 г. пострижен в монашество с именем Иларион и 30 сентября рукоположен во епископа, с 1952 г. занимал Кировоградскую кафедру. Епископ Уфимский в 1953–1958 гг. (с 25 февраля 1957 г. архиепископ), с 1958 г. архиепископ Ивановский, с 29 мая 1963 г.— архиепископ Омско-Тюменский, с 3 октября 1963 г. управлял Уфимско-Стерлитамакской епархией. С 1970 г. на покое.

⁵⁸ Ермоген (Голубев; 3 марта 1896 г.— 9 апреля 1978 г.), хиротонисан во епископа Ташкентского и Среднеазиатского 1 марта 1953 г., с ноября 1955 г. по июнь 1956 г., а также в 1958–1960 гг. временно управлял Алма-Атинской епархией, в 1958 г. возведен в сан архиепископа, с 13 июня 1962 г. архиепископ Омский и Тюменский, с 29 мая 1963 г. архиепископ Калужский и Боровский. 25 ноября 1965 г. по решению Священного Синода уволен на покой.

⁵⁹ В цитируемом документе допущена ошибка. Епископа Ставропольского и Бакинского, управлявшего епархией в это время, звали Антоний. Антоний (Романовский; 6 марта 1886 г.— 7 ноября 1962 г.) 17 ноября 1924 г. хиротонисан во епископа Ере-

ванского, управлял Сухумской епархией, в 1927–1929 гг. на покое, в январе 1927 г. арестован и помещен в Бутырскую тюрьму, выслан на 2 года в Марийскую республику. С 27 февраля 1929 г. епископ Донской, в 1931–1935 гг. епархией не управлял, с 1935 г. епископ Ставропольский и Донской, а затем епископ Сталинградский, в 1936 г. епархией не управлял, неоднократно арестовывался, в 1936 г. пребывал в ссылке и в заключении, в 1937 г. уволен на покой. В 1943 г. возведен в сан архиепископа, с 13 сентября 1943 г. архиепископ Ставропольский и Пятигорский, с мая 1945 г. архиепископ Ставропольский и Бакинский, 12/25 февраля 1962 г. возведен в сан митрополита.

⁶⁰ Вениамин (Миллов; 8 июля 1887 г.— 2 августа 1955 г.) хиротонисан во епископа Саратовского и Балашовского 4 февраля 1955 г.

⁶¹ ЦА НО, ф. 5899, оп. 3, д. 15, л. 14.

⁶² Там же, л. 35–36.

⁶³ Борис (Вик; 28 августа 1906 г.— 16 апреля 1965 г.) 4 апреля 1944 г. хиротонисан во епископа Нежинского, викария Черниговской епархии, с апреля 1945 г. епископ Черниговский, с 13 января 1947 г. епископ Саратовский и Вольский, с 22 февраля 1949 г. епископ Чкаловский и Бузулукский, с 26 сентября 1950 г. епископ Берлинский и Германский, с 24 октября 1951 г. архиепископ, с 26 октября 1951 г. временно исполнял обязанности экзарха Московской Патриархии в Западной Европе, с 29 июля 1954 г. временно управлял Ярославской епархией, с 11 ноября 1954 г. архиепископ Алеутский и Североамериканский, экзарх Северной и Южной Америки и управляющий Краснодарской епархией, с 25 апреля 1956 г. архиепископ Херсонский и Одесский, с 25 февраля 1959 г. митрополит.

⁶⁴ Вениамин (Федченко; 12 сентября 1880 г.— 4 октября 1961 г.) 10 февраля 1919 г. хиротонисан во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии, в 1919–1920 гг. епископ армии и флота на юге России, член Синода Высшего церковного управления, в 1920 г. выехал за границу. Был председателем Предсоборного совещания в Константинополе перед Карловацким Собором, готовил Карловацкий Собор. 3 декабря 1927 г. включен в клир Московской Патриархии, организовал в Париже в 1930–1933 гг. Патриаршую Православную Церковь, с 19 апреля 1932 г. архиепископ, с 1933 г. управляющий епархией в США, с 22 ноября 1933 г. Экзарх Русской Православной Церкви в США, архиепископ Алеутский и Североамериканский, с 14 июля 1938 г. митрополит. Присутствовал на Соборе по избранию Патриарха Московского и всея Руси в 1945 г., в 1947 г. назначен на Рижскую епархию. С 27 марта 1951 г. митрополит Ростовский и Новочеркасский, с 28 ноября 1955 г. митрополит Саратовский и Балашовский (с 1957 г. Саратовский и Вольский), 20 февраля 1958 г. уволен на покой.

⁶⁵ Елевферий (Воронцов; 17 октября 1892 г.— 27 марта 1959 г.) 10 августа 1943 г. хиротонисан во епископа Ростовского и Таганрогского, с 5 апреля 1946 г. экзарх Московской Патриархии с титулом архиепископа Пражского и Чешского с местожительством в Праге, с 10 июля 1947 г. временно управлял Пряшевско-Словенской епархией, с 8 декабря 1951 г. глава православной Церкви в Чехословакии, 28 ноября 1955 г. назначен митрополитом Ленинградским и Новгородским и постоянным членом Священного Синода.

⁶⁶ ЦА НО, ф. 5899, оп. 3, д. 16, л. 20.

⁶⁷ Там же, д. 15, л. 10.

⁶⁸ Там же, д. 16, л. 20.

⁶⁹ Там же, д. 18, л. 3.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ *Цытин В., прот.* Указ. соч. С. 337–338.

⁷² ЦА НО, ф. 5899, оп. 3, д. 4, л. 16.

⁷³ Там же, д. 11, л. 10.

⁷⁴ Там же, л. 14.

⁷⁵ Там же, л. 56.

ИССЛЕДОВАНИЯ

- ⁷⁶ Там же, л. 57.
⁷⁷ Там же, д. 12, л. 33.
⁷⁸ Там же.
⁷⁹ Там же, л. 109.
⁸⁰ Там же, л. 110.
⁸¹ Там же, д. 11, л. 111.
⁸² Там же, д. 16, л. 31.
⁸³ Там же, л. 33.
⁸⁴ Там же, л. 44.
⁸⁵ Там же, д. 7, л. 41.
⁸⁶ Там же, л. 37.
⁸⁷ Там же, д. 9, л. 17.
⁸⁸ Там же, д. 7, л. 30.
⁸⁹ Там же, д. 9, л. 28.
⁹⁰ Там же, д. 11, л. 39.
⁹¹ Там же, л. 41.
⁹² Там же, л. 66.
⁹³ Там же, д. 9, л. 25.
⁹⁴ Там же, д. 11, л. 125.
⁹⁵ Там же, л. 133.
⁹⁶ Там же, д. 16, л. 52.
⁹⁷ Там же, д. 19, л. 7–9.
⁹⁸ Там же, д. 12, л. 29–30.
⁹⁹ Там же, д. 16, л. 52.
¹⁰⁰ Там же, д. 11, л. 144.
¹⁰¹ Там же, л. 81.
¹⁰² Там же, л. 85.
¹⁰³ Там же, д. 14, л. 12.

